UH-12-26.qxp_UH-6-2017 26/11/2026 10:41 Page 1

ПОРТРЕТ

Позади остался плодотворный для журнала Год семьи. Отзвучали доклады и сообщения научной конференции РАХ, посвященной творческим династиям. Прошли и другие успешные мероприятия на всегда актуальную для отечественного искусства фамильную тему. И снова, в связи с 150-летием замечательного живописца Петра Петровича Кончаловского (1876–1956), мы мысленно заглядываем в большой творческий дом, из которого вышли художники, издатели, писатели, поэты, режиссеры… Особый почет в этом родственном сообществе – дочери живописца Наталье Петровне Кончаловской, писательнице, переводчику, знатоку музыки и искусства, доброжелательному знакомцу и автору нашего журнала. «Наталья Петровна Кончаловская, моя мама, – писал известный режиссер Андрей Кончаловский, – родилась в семье с богатейшими культурными традициями. Мне и самому трудно представить, что мама знала Шаляпина, видела Рахманинова, Скрябина, дружила с Прокофьевым, общалась с Мейерхольдом, жила в кругу художников и артистов, ставших ныне национальной легендой. И сама семья Кончаловских также не была чужой в этой легенде. Мамин отец, мой дед – Петр Петрович Кончаловский женился на дочери великого русского художника Сурикова. А примерно через год после этого родилась мама». Предлагаем вниманию читателей рассказ Н.П.Кончаловской «Портрет» в традиционной рубрике, представляющей художника и модель – два равновеликих имени в русской культуре. А также отрывок из воспоминаний Натальи Петровны о том, как П.Кончаловскаий работал в мастеркой с холстами и красками.

А.Н.Толстой в гостях у художника.
Масло. 1941.

Автопортрет.
Масло. 1943.

На с. 2–3:

Семейный портрет.
Масло. 1911.

Портрет М.П.Кончаловского в морской форме (в детстве).
Масло. 1910.

Наташа на стуле.
Масло. 1910.

Портрет дочери в розовом платье.
Масло. 1925.

Это один из необычных портретов, он называется «В гостях у художника». На портрете Алексей Николаевич Толстой сидит один за праздничным столом. Перед ним на свежей скатерти поразительной красоты натюрморт, очень смело, но тщательно написанный. Окорок ветчины на блюде, кусок целой рыбины семги, курица зажаренная, помидоры, огурцы, ломти черного хлеба на тарелке, зеленый штоф с пробкой, на которой стоит фигурка русского мужичка, возле прибора – изумрудная рюмка лампадного стекла и хрустальный бокал, наполовину наполненный густым красным вином.

И как написана серебряная вилка, вонзенная в отогнутую кожу окорока! Как лежат на серебристой чешуе рыбы розовые ломти колечками! Матовая свежесть огурцов привлекает глаз, горят два спелых помидора на пучке зеленой петрушки, и уже начали подсыхать ломтики лимона возле рыбины. Все это мастерски написано, и хочется разглядывать и разглядывать детали натюрморта.

Алексей Николаевич, с заткнутой за жилет салфеткой, поднял серебряную чарку для застольного слова. Он еще молод, красив, свеж и угадан в своих пропорциях так, что зритель может представить себе, какого был бы он роста, если б встал из-за стола. А был он приземистым, широкоплечим, с брюшком – и все же легким на подъем, и походка у него была стремительная. На портрете он сидит в раздумье, и лицо у него вдохновенное, даже какое-то взволнован-

ное, и в глазах – прозорливость. Смотрит он куда-то мимо натюрморта, мимо зрителя, словно видит что-то одному ему доступное. И мысль, скрытая за этим выпуклым, прекрасно написанным лбом, где-то далеко. (Он писал в это время своего Петра Первого и не разлучался с мыслью о нем весь этот период). Рот Толстого, с волевой нижней губой твердого рисунка и необычайно мягкой и доброй верхней губой, на портрете хранит ту темпераментность и выразительность, которой обладают лишь избранные люди.

Портрет был закончен за два месяца до Великой Отечественной войны. И сколько было нареканий от первых увидевших его: зачем-де было изображать такого крупного писателя не за рабочим столом, с пером в руке, а за обеденным – с рюмкой? И что это-де чуть ли и не кощунство приписывать Толстому такую плотоядность...

Но у самого Толстого никогда не было ощущения, что и в портрете он не тот, каким ему подобает быть. Ему нравился как раз натюрморт, он так понимал и чувствовал форму и цвет, что он его не шокировал, а только радовал сердце и веселил глаз. Толстой любил рассматривать портрет и говорил:

– Как все это здорово выписано! Какое богатство цветов и разнообразие ощущений! Ветчина-то – как розовый мрамор с прожилками... А огурцы нежинские – словно только с огорода, какой-то на них сизый налет. И ведь как каждый цвет необходим для общего решения... Вот попробуй заслони красный цвет помидоров, и сразу погаснет натюрморт, а ведь пестроты-то нет никакой, все в меру...

Работал Петр Петрович над портретом и в мастерской на Большой Садовой, но перед тем как начать его, он сделал множество рисунков и набросков с Алексея Николаевича карандашом и углем. Он рисовал его на даче, в Барвихе, на квартире на Спиридоновке и так изучил характерные черты лица Толстого, что мог рисовать его уже наизусть. Поэтому он компоновал портрет без Толстого, и когда Алексей Николаевич впервые пришел позировать на Большую Садовую, портрет был уже в угле, а снедь частично написана.

Позировать Алексей Николаевич приезжал не один, а втроем-вчетвером с друзьями. И гости пили, ели, веселились, а хозяин работал – писал. Это было довольно сложно, надо было сосредоточиваться, а Толстой, придя в хорошее настроение, начинал всех смешить и, по выражению моего отца, «отливать такие пули», что трудно было сохранять рабочее настроение. Но все же каждый раз удавалось схватить что-то верное и новое. Отец говорил, что ни один портрет не давался ему с таким трудом. Надо сказать, что каждый раз приходилось восстанавливать натюрморт, поскольку он съедался гостями. И тогда Петр Петрович шел в магазин, покупал огромную рыбину, снова препарировал ее, нарезая тонкими ломтиками.

– Вот ведь вам хорошо! – шутя упрекал он приехавших на очередной сеанс гостей. – Вы пьете, едите, ни о чем не думаете, а я – изволь работай!

Петру Петровичу хотелось вписать в натюрморт еще шампуры с шашлыками, сырую баранину, переложенную луком и помидорами, он даже начертил шампуры сбоку на столе. Но Толстой воспротестовал:

– А не слишком ли жирно будет? Знаешь, что говорить начнут! Брось!

И Петр Петрович послушался.

Отца моего связывала с Толстым теснейшая дружба. Они умели приводить друг друга в хорошее настроение, потому что каждый из них обладал жизнелюбием, но без излишней суеты. От смешного и веселого они с легкостью переходили к сложнейшим проблемам в жизни и так же легко от серьезного спора или глубокого разговора – к шутке, к блестящему юмору Толстого или к прекрасному исполнительскому дарованию Петра Петровича, который пел народные испанские и итальянские песни.

Толстой любил творчество Кончаловского, ибо по темпераменту, по художественному восприятию оно было ему сродни. Оба они были людьми большой культуры, оба одинаково с восторгом воспринимали итальянскую эпоху Возрождения, и при всем этом оба были подлинными русскими людьми, патриотами, и радость, и гордость за свое национальное, русское, героическое жили в них обоих до последнего дыхания.

***

ХОЛСТЫ И КРАСКИ

...Обычно Петр Петрович сам натягивал холсты. Вот он сидит посреди мастерской на табуретке, на голове у него черная шапочка, и, клещами натянув холст на подрамник, прибивает его мелкими обойными гвоздиками. А я помогаю ему, подавая их.

Краски. С детства помню ящики тюбиков с красками. Помню продолговатый рабочий ящик отца. Он раскрывался на две половины. В нем лежала сложенная, устроенная на шипах палитра, краски на ней при складывании не соприкасались. В ящике было отделение для кистей, и в завинчивающихся жестяных бочонках – разбавитель из скипидара и копалового лака. Вот что Петр Петрович сам пишет о своей палитре: «Краски я располагаю на палитре в следующем порядке: направо белил у меня лежат кадмии – от лимонного до оранжевого и красного, потом охры красные, вермильон и краплаки, далее коричневые – сиемарсы, умбры и черная. Налево от белил кладу синие – кобальты, ультрамарины и зеленые кобальты, изумрудная в волсконкоит. Таким образом, белила делят холодные цвета на левую сторону, а теплые – на правую; черная краска лежит против белил. К такому расположению красок на холсте я настолько привык, что могу брать их кистью, едва взглядывая на палитру, все мое внимание сосредоточено на натуре и на холсте».